«Главной нашей задачей является осуществление культурно-экономического сближения тюркских народностей России с Японией»

Среди исторических документов, характеризующих взаимоотношения тюрко-татарских эмигрантов с представителями японской власти в послереволюционный период на Дальнем Востоке, значимое место занимает письмо Мухаммеда-Габдулхая Курбангалиева* японскому правительству. Оно было направлено на имя министра иностранных дел Японии с приложением на имя министра просвещения из Мукдена в сентябре 1922 г. Письмо написано на русском языке, к нему приложен перевод на японский. Сегодня письмо в виде микрофильма хранится в архиве Библиотеки парламента Японии среди материалов министерства иностранных дел по японско-турецким отношениям периодов Мейдзи и Тайсе.

Турецкая исследовательница Сельчук Эсенбель, разыскавшая этот документ, подчеркивает, что письмо прежде всего интересно не просто обоснованием «общих алтайских корней» народов Северо-Восточной Азии и японцев, оно содержит практические предложения в вопросе формирования стратегии культурной политики Японии в регионе**. С. Эсенбель выделяет следующие моменты. Во-первых, в письме не только подчеркивается необходимость сотрудничества Японии с тюркскими народами, но и выдвигается на первый план роль тюркского элемента в политике Японии по отношению к исламскому миру. Во-вторых, из текста письма следует, что его автор хорошо представляет себе японскую внутри- и внешнеполитическую ситуацию, и это несколько удивительно для человека, только что прибывшего из России. Можно предположить, что М.-Г. Курбангалиев использовался некими японскими силами в Мукдене в качестве «внешнего фактора» (gaiatsu) для давления на официальный Токио, чтобы основать тюркское и исламское направление в Токийской школе иностранных языков (Tôkyô gaigo gakkô) (сегодня Университет иностранных языков. — *Л. У.*). А так как письмо написано после первого (в ноябре 1920 г.) и второго (в январе 1921 г.) посещения М.-Г. Курбангалиева Японии, предположение о том, что он уже активно задействован в чьих-то интересах, вполне оправдано (см. ниже о взаимоотношениях М.-Г. Курбангалиева и представителей японских националистов).

В-третьих, письмо содержит разные печать и подпись (печать «управления мусульманских представителей на Дальнем Востоке» со звездой и полумесяцем и подпись: «представитель башкир»). Из этого можно предположить, что тюрко-татарская диаспора находилась в поиске взаимоприемлемой с японцами идентичности.

Перевод письма на японский язык отражает неопределенность также и японской позиции: переводчик использует слово

* Подробнее о биографии М.-Г. Курбангалиева см.: Усманова Л. Тюрко-татарская эмиграция в Северо-Восточной Азии начала XX в. – Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2005. – № 1. – С. 93.

** Esenbel, S. Japan and Islam Policy During the 1930s // Turning Points in Japanese History / Edited by B. Edstrom. – England, 2002. – P. 183.

«тюрко-джин» (turko-jin), что означает «тюркоговорящие», но в конце изменяет его на «торко-джин» (torko-jin), что несет более определенный смысл — «турок», «житель Турции». В целом письмо, по мнению С. Эсенбель, можно рассматривать как результат политических контактов тюркоязычной диаспоры российских эмигрантов с японской стороной. Оно предлагает варианты создания «коллективной идентичности»: от этнической — татаро-башкирской до гражданской — турецкой (по принадлежности к турецкому миру) и в конце концов выделение региональной категории мусульман Японии (Nihon kaikyôzoku).

Вполне вероятно, что результатом именно этого письма стала очень продуктивная поездка М.-Г. Курбангалиева вместе с десятью башкирами, включая генерала Бикмеева[1], в Японию в начале 1922 г.[2] по приглашению редактора националистического журнала «Японец»[3] Рюзан Иоки. Сабуро Симано[4], как руководитель русской группы, подчинявшейся директору Исследовательского института по изучению экономики Восточной Азии при компании по управлению Южно-Маньчжурской железной дорогой (далее — ЮМЖД) Сюмей Окаве[5], сопровождал М.-Г. Курбангалиева во время этого визита. В своих мемуарах* он подробно рассказал об обстоятельствах представления М.-Г. Курбангалиева лицам, которые в начале 1930-х гг. представляли большую политику Маньчжурии и Японии и осуществляли как паназиатскую, так и исламскую политику.

Сначала С. Симано было поручено познакомить М.-Г. Курбангалиева с Йосукэ Мацуокой[6]. Последний внимательно выслушал рассказ М.-Г. Курбангалиева о революционных событиях в России. Затем Й. Мацуока попросил С. Симано записать этот рассказ и прислать ему. Генерала Бикмеева он расспрашивал о ситуации в армии как в предреволюционый период, так и в период гражданской войны. Из его рассказа Й. Мацуока сделал вывод, что остатки Белой армии настроены продолжать сопротивление. Именно Й. Мацуока впоследствии стал непосредственным проводником исламской политики Японии сначала в Маньчжурии, когда в 1927 г. возглавил компанию по управлению Южно-Маньчжурской железной дорогой, и позже в предвоенные годы, возглавив Министерство иностранных дел Японии.

С. Симано познакомил М.-Г. Курбангалиева также с бывшим премьер-министром эпохи Мейдзи Шигенобу Окума[7]. Встреча с ним состоялась в Университете Васеда. В разговоре с М.-Г. Курбангалиевым Ш. Окума уточнил, что для строительства отдельного государства — Башкирии — Курбангалиеву понадобятся средства, которые будет трудно достать. М.-Г. Курбангалиев согласился. Трудно сказать, ставил ли М.-Г. Курбангалиев целью создание национального башкирского государства в действительности или же просто искал возможность сотрудничества с японцами. Во всяком случае, в последующем разговоре с Икки Китой[8] он также благосклонно принял совет последнего строить независимое тюркское или исламское государство, но не в Приуралье, а, как вспоминал С. Симано, где-то в районе Средней Азии и Юго-Восточной Сибири, в Синьзянском округе с перспективой влияния на весь Туркестан. Эта идея уже была озвучена И. Китой в самой известной из его работ, ставшей учебником для японских фашистов, — «Основы реконструкции Японии».

И. Кита, в свою очередь, был рад встрече с М.-Г. Курбангалиевым, который воплощал в себе начавшуюся реализацию, как ему казалось, его планов. С. Симано утверждал, что через И. Кита началась финансовая поддержка М.-Г. Курбангалиева через агентство Симано, которая продолжалась вплоть до неудачного участия И. Киты в военном перевороте в феврале 1936 г., в результате которого он был приговорен к смертной казни.

И. Кита познакомил С. Симано и М.-Г. Курбангалиева с Шигемару Сугиямой, членом националистического «Общества Черного Дракона» (Kokuryuikai), и Мицуру Тоямой[9], от которого (от Тояма) через министерство иностранных дел поступали средства. Так, С. Симано для поддержки М.-Г. Курбангалиева сразу же получил от Ш. Сугияма и М. Тояма около двух тысяч йен. От министра иностранных дел Коки Хироты[10], который узнал о башкирском му-

* Shimano, S. Mantetsu sôren jôhô katsudô ka no shôgai. – Tokyo, 1984. – P. 435-478.

сульманском лидере от Ш. Сугияма, С. Симано получил для М.-Г. Курбангалиева единовременно около четырех тысяч йен из так называемого тайного фонда МИДа. Затем ежемесячно из рук руководителя информационного отдела министерства Синичи Комуры[11] М.-Г. Курбангалиев получал по сто йен, которые, по словам последнего, фактически передавались М. Тоямой.

В круг лиц, поддерживающих М.-Г. Курбангалиева, вошли также барон Киитиро Хиранума[12] и Гиити Танака[13]. Через М. Тояму М.-Г. Курбангалиев познакомился с Рёхэй Утидой[14] и с Цуёси Инукаи[15], которые также обещали ему всяческую поддержку. М.-Г. Курбангалиев встретился и с ректором военного университета, генералом Масао Ватанабэ[16]. Последний поинтересовался, не может ли Курбангалиев начать преподавать арабский язык в их университете. Он же познакомил М.-Г. Курбангалиева с президентом банка Мицубиси, от которого впоследствии Курбангалиев получил 150 тысяч йен для строительства соборной мечети в Токио в 1938 г.*

Начав получать финансовую и моральную поддержку от японцев, М.-Г. Курбангалиев вместе с имамом Мукденской мечети Чанг Те-чуном развернул деятельность по организации мусульманских общин на прояпонской платформе (не только эмигрантских). Чанг Те-чун также посещал Японию в 1922 г. Впоследствии он стал одной из ведущих фигур в прояпонской мусульманской организации, основанной в 1930-х гг. в Маньчжурии. Кстати, С. Симано упоминает М.-Г. Курбангалиева в качестве одного из главных консультантов по составлению японско-русского словаря[17].

Обосновавшись в Токио в октябре 1924 г. и женившись в следующем году, М.-Г. Курбангалиев основал в 1927 г. Токийскую мусульманскую школу в районе Сендагая Ёёги Уехара, рядом с которой в 1938 г. была выстроена первая в Токио Соборная мечеть. В 1928 г. М.-Г. Курбангалиев основал и возглавил Федерацию мусульман Японии. 3 октября 1928 г. он провел первый Конгресс мусульманских эмигрантов Японии. В 1929 г. создал Токийское мусульманское издательство, которое специализировалось на издании книг и журналов по исламу как на татарском, так и на арабском языках. В 1933 г. издательство начало издавать ежемесячный журнал «Яңа Япон мөхбире» (Новый японский корреспондент).

Решение М.-Г. Курбангалиева использовать арабский шрифт татарского языка (шрифт был привезен из Египта при финан-

Слева направо: журналист телевизионной компании NHK, сын М.-Г. Курбангалиева – Асад Курбангалиев, Лариса Усманова. Токио, 1999 г., телекомпания NHK.

* Shimano, S. Mantetsu sôren jôhô katsudô ka no shôgai. – Tokyo, 1984. – P. XVI.

совой поддержке японских бизнесменов) выражало поддержку панисламистского аргумента в построении общей идентичности с Японией. К этому времени даже Турция перешла на латиницу (в 1928 г.), но М.-Г. Курбангалиев не отказался от арабского шрифта. Он считал, что арабский язык был и остается средством коммуникации для образованных слоев мусульман Китая и Восточной Азии, в частности Индонезии. Его использование в наибольшей степени способствовало целям японской политики в регионе. По мнению С. Эсенбель, использование арабских шрифтов татарского языка демонстрировало желание создать позитивный имидж Японии среди мусульман Восточной Азии и Ближнего Востока.

М.-Г. Курбангалиева поддерживали движения правого толка, набиравшие силу в Японии в 1920-х гг. Прежде всего это националисты (М. Тояма и У. Рёхэй), национал-социалисты (И. Кита, С. Окава) и национал-центристы (К. Хиранума и Общество государственных основ (Kokkuhonsha))*. Все они в той или иной степени были объединены паназиатской идеей и рассматривали исламские и тюркские народы в качестве союзника: М. Тояма — с точки зрения регионального партнера, И. Кита — как антикоммунистическую силу. К. Хиранума видел в исламе возможность огосударствления религии.

Неопределенность в самоидентификации тюрко-татарской диаспоры этого периода связана, на наш взгляд, с сомнениями в выборе устойчивого партнера. Наиболее активную поддержку диаспоре оказывало националистическое течение М. Тоямы, которое, в отличие от сторонников И. Киты, потерпевших поражение, со временем укрепило свои позиции в государственной власти.

В последнее время в отечественной японистике появилась «евразийская» интерпретация истории Японии 1930-х гг. Деятельность Коки Хироты и принца Фумимаро Коноэ (1891-1945), при котором начали осуществляться идеи создания региональной идентичности Японии и объединения «Великой Восточной Азии», рассматривается как попытка реализации «евразийской» концепции японской идентичности[18] вопреки «атлантистской», осуществляемой в период Мейдзи** и в послевоенный период. На наш взгляд, такой подход может, в определенной степени, дать объяснение попыткам тюрко-татарских эмигрантов создать коллективную идентичность с японскими националистами.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Командующий мусульманскими соединениями в армии Колчака.
2. С. Эсенбель считает, что эта поездка состоялась в 1925 г. (Esenbel, S. Japan and Islam Policy During the 1930s // Turning Points in Japanese History / Edited by B. Edstrom. – 2002. – P. 186), однако сам М.-Г. Курбангалиев в краткой биографии пишет, что посетил Японию первый раз в ноябре 1920 г., второй раз — в январе 1921 г., а в октябре 1924 г. окончательно переехал в Токио (см.: Komura, F. Nihon isuramu shi senzen senchu rekishi no nagare no naka ni katsuyoshita Nihonjin musurimutachi no gunzô. – Tokyo: Nihon isuramu yûkô renmei, 1985. – P. 315-316).
3. Журнал «Японец» (Nihonjin) основан националистическим культурным обществом «Seikyousha» (Общество обучения управлению) в 1888 г. С 1891 г. общество стало выпускать также журнал «Азия» (Asia). Оно критиковало правительство за политику европеизации страны.
4. Симано Сабуро (1893-1983), сотрудник компании по управлению Южно-Маньчжурской железной дорогой. В 1914 г. в качестве студента компании по управлению ЮМЖД поступил на филологический факультет Петроградского университета. Вместе с первым японским хаджой Котаро Ямаокой жил в татарской общине Петрограда, был свидетелем февральских и ноябрьских событий 1917 г. В конце 1917 г., вернувшись в Маньчжурию, начал работать в русском отделе по сбору информации компании по управлению ЮМЖД. Осуществлял связь с войсками генерала Г. М. Семенова и японскими властями. Составитель первого японско-русского словаря. В 1930 г. учился в Германии и Франции, в 1937 г. работал в японском посольстве в Париже. Разделял националистический взгляды С. Окавы. В годы Второй мировой войны работал в Маньчжурии.

* Интерпретацию правых движений см.: Мазуров И. Японский фашизм. Теоретический анализ политической жизни Японии накануне Тихоокеанской войны. – М., 1996.

** Молодяков В. Собиратели «восьми углов»: пути и уроки японского евразийства. – Режим доступа: http://arctogaia.org.ru/modules.php?name==News&file=article&sid=468.

5. Окава Сюмэй (1867-?), политический деятель, философ, публицист. Окончил философский факультет Токийского университета (1911), специализировался на классической китайской и индийской философии и религии. В 1918 г. создал Общество старых борцов (Rosokai), призванное объединить как «правых», так и «левых» радикалов националистической ориентации. В 1920 г. на его основе идеолог японского фашизма Икки Кита создал Общество сомневающихся (Yuzonsha), пропагандировавшее идею «революционной Японской империи», расширение экономической и политической экспансии в Китае. С 1918 г. занимал руководящие посты на ЮМЖД: с 1919 г. — член совета директоров, заместитель директора, с 1923 г. — председатель правления. С 1931 г. — генеральный директор Исследовательского института экономики Восточной Азии. Активно готовил почву для захвата Маньчжурии Японией. Ведущий идеолог национального государственного социализма (kokka shakaishugi). Один из главных вдохновителей мятежа 15 мая 1932 г., во время которого был убит премьер-министр Ц. Инукаи. В 1934 г. приговорен к нескольким месяцам заключения, освобожден в 1935 г. Основатель Института иностранных языков Сёва (1935), созданного под эгидой министерства иностранных дел и связанного с военной разведкой. Автор «2600-летней истории Японии». В годы Второй мировой войны — ведущий идеолог паназианизма и теоретик «сферы сопроцветания Великой Восточной Азии». В сентябре 1945 г. арестован. Привлечен к суду Токийского международного трибунала для Дальнего Востока. В 1948 г. судебная экспертиза признала его психически больным, и дело в отношении него было прекращено. В конце 1948 г. был выпущен из клиники. В 1950 г. издал японский перевод Корана (см.: Залесский К. А. Кто был кто во Второй мировой войне. Союзники Германии. – Москва, 2003. – Режим доступа: http://www.hronos.km.ru/biograf/bio_o/okava.html).

6. Мацуока Йосукэ (1880-1946), государственный деятель, дипломат. В 1900 г. окончил Орегонский университет (США). В 1904-1908 гг. японский консул в Шанхае и Дайрене. С 1907 г. — секретарь министерства иностранных дел. С 1908 г. — секретарь посольства в Брюсселе, позже в Шанхае. В 1912-1914 гг. — секретарь посольства в Петербурге, в 1914-1917 гг. — первый секретарь посольства в Вашингтоне. Секретарь министерства иностранных дел (1917-1918), премьер-министра (1918). В 1918-1921 гг. работал в руководстве комитета, занимавшегося финансированием и снабжением находившихся в Сибири японских оккупационных войск. Оказывал поддержку Белому движению. В 1921 г. поступил на службу в концерн «Южно-Маньчжурская железная дорога», в 1935-1939 гг. был его президентом. В 1930-1934 гг. — член парламента от партии Сейюкай (Seiyukai) (Партия друзей установления конституционного правления). В 1932-1933 гг. — делегат Японии в Лиге Наций; добился признания ряда государств марионеточного правительства Маньчжу-Ди-Го. В 1933 г. объявил о выходе Японии из Лиги Наций. Сторонник экспансии Японии в Юго-Восточную Азию, ему принадлежит термин «Великая зона сопроцветания Восточной Азии». С 18 июля 1940 г. по 17 июля 1941 г. — министр иностранных дел во втором кабинете Ф. Коноэ. 27 сентября 1940 г. участвовал в подписании Берлинского пакта между главными участниками Антикоминтерновского пакта (Германия, Италия, Япония). 13 апреля 1941 г. подписал советско-японский пакт о нейтралитете. После нападения Германии на СССР выступал за немедленное начало военных действий на Дальнем Востоке, но поддержки со стороны правящих кругов Японии не получил. В 1943-1944 гг. — генерал-губернатор Индокитая. В сентябре 1945 г. арестован. В качестве обвиняемого предстал перед судом Токийского военного трибунала для Дальнего Востока. Умер до окончания процесса в госпитале Токийского университета от туберкулеза (см.: Залесский К. А. Кто был кто во Второй мировой войне. Союзники Германии. – Москва, 2003. – Режим доступа: http://www.hronos.km.ru/biograf/bio_m/macuoka.html).

7. Окума Шигенобу (1838-1922), политический деятель эпохи Мэйдзи. В 1882 г. создал одну из первых политических партий Японии — Партию конституционных реформ (Rikken kaishintou). Был премьер-министром (1898, 1914-1916). Основал крупнейший частный университет Японии — Васеда (1882).

8. Икки Кита (1884-1937), идеолог фашистского путча 26 февраля 1936 г. Именно его программная работа «План реконструкции Японии» (1919) была настольной книгой мятежников. Согласно его учению, экспансия Японии в регионе толковалась как освобождение Азии от «белого империализма». Повешен по решению военного трибунала.

9. Тояма Мицуру (1855-1944), политический деятель. В 1870-х гг. участвовал в националистическом движении, выдвигавшем требование немедленной аннексии Кореи. В 1881 г. вместе с К. Хираокой и Р. Хакодой основал шовинистическое Общество темного океана (Genyosha), в 1894 — Общество противников России (Tairo dousikai).

10. Хирота Коки (1878-1948), государственный деятель, дипломат. После окончания Токийского университета в 1922 г. поступил на службу в министерство иностранных дел. В 1930-1932 гг. — посол Японии в Москве. При нем советско-японские отношения сводились в основном к экономическому и культурному партнерству. Во время московского периода жизни близко сошелся с Л. М. Караханом (Карахан Лев Михайлович (1889-1937), дипломат. С 1904 г. — член РСДРП, меньшевик. Вел партработу в Харбине, Петербурге. С августа 1917 г. — член президиума Петроградского совета. С ноября 1917 г. — секретарь советской делегации на мирных переговорах в Брест-Литовске. С марта 1918 г. — заместитель Наркома иностранных дел РСФСР. С 1921 г. — посол в Польше, в сентябре 1923 — августе 1926 г. — в Китае. В 1927-1934 гг. — заместитель Наркома иностранных дел СССР. В 1934 г. переведен на должность посла СССР в Турции. В 1937 г. отозван

в Москву и арестован. Приговорен к смертной казни. Расстрелян. Посмертно реабилитирован. См.: Залесский К. А. Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь. Москва, Вече, – 2000. – Режим доступа: http://www.hronos.km.ru/biograf/karahan.html). С 8 июля 1934 по 2 марта 1936 г. — министр иностранных дел в кабинете К. Окады. Участвовал в переговорах о покупке у СССР Китайско-Восточной железной дороги. После мятежа «Национальной федерации молодых офицеров» (26 февраля 1936 г.) 9 марта 1936 г. стал премьер-министром. 25 ноября 1936 г. участвовал в подписании Антикоминтерновского пакта со стороны Японии с Германией и Италией. 23 января 1937 г. кабинет К. Окады вышел в отставку. В июне 1937 г. был сформирован первый кабинет Ф. Коноэ — К. Хирота занял в нем пост министра иностранных дел. В 1939 г. вышел в отставку. Во время Второй мировой войны, не занимая правительственных постов, продолжал пользоваться авторитетом в высших кругах и оказывал влияние на формирование внешней политики Японии. С 1940 г. — государственный советник. В сентябре 1945 г. арестован. Привлечен к суду Токийского международного трибунала для Дальнего Востока. 12 ноября 1948 г. казнен (см.: Залесский К. А. Кто был кто во Второй мировой войне. Союзники Германии. – Москва, 2003. – Режим доступа: http://www.hronos.km.ru/biograf/bio_h/hirota.html).

11. Сын министра иностранных дел в период русско-японской войны Дзютаро Комуры, проявлявшего интерес к исламскому миру.

12. Хиранума Киитиро (1868-1952), государственный деятель, генерал, барон. В 1910-х гг. — президент Токийского университета. В 1923 г. — министр юстиции. Основатель и председатель (1924-1936) националистического Общества государственных основ (Kokkuhonsha), один из наиболее влиятельных праворадикальных политиков. В 1920 г. назначен заместителем председателя Тайного совета. Несколько раз выдвигался на пост премьер-министра (в том числе после офицерских мятежей 15 мая 1932 г. и 26 февраля 1936 г.), но отказывался. С 13 марта 1936 г. по 6 января 1939 г. — председатель Тайного совета. Неоднократно заявлял, что фашизм и национал-социализм неприемлемы для Японии. Со 2 февраля по 31 мая 1937 г. занимал пост министра иностранных дел в кабинете С. Хаяси. После падения кабинета Ф. Коноэ 5 января 1939 г. назначен премьер-министром. 28 августа 1939 г. после подписания советско-германского пакта о ненападении кабинет вышел в отставку. К. Хиранума оказывал большое влияние на формирование внутренней и внешней политики Японии во время Второй мировой войны. С 21 декабря 1940 г. по 16 ноября 1941 г. — министр внутренних дел в кабинете Ф. Коноэ. 6 апреля 1945 г. во второй раз назначен председателем Тайного совета. Способствовал скорейшему принятию решения о капитуляции Японии. 14 декабря 1945 г. вышел в отставку. В 1946 г. арестован и привлечен к суду Токийского международного трибунала для Дальнего Востока. Приговорен к пожизненному тюремному заключению. Умер в тюрьме (см.: Залесский К. А. Кто был кто во Второй мировой войне. Союзники Германии. – Москва, 2003. – Режим доступа: http://www.hronos.km.ru/biograf/bio_h/hiranuma.html).

13. Танака Гиити (1863-1929), государственный и военный деятель, генерал, барон. С сентября 1918 г. по июнь 1921 г. и с сентября 1923 г. по январь 1924 г. — военный министр. Один из главных руководителей японской военной интервенции на Советском Дальнем Востоке. С 1925 г. — в отставке. Лидер партии Сэйюкай. С апреля 1927 г. по июль 1929 г. — премьер-министр, министр иностранных дел и министр колоний. Предпринял две неудачные попытки военного вторжения в китайскую провинцию Шаньдун (1927, 1928). В дипломатической литературе с Г. Танакой связывают секретный документ (так называемый «меморандум Танаки») по вопросам внешней политики Японии, представленный в июле 1927 г. японскому императору и открыто провозглашавший основой внешней политики Японии агрессию против Китая, СССР и других стран с последующим завоеванием мирового господства. Меморандум был впервые опубликован в китайском англоязычном журнале «China critic» (Китайский критик) в 1929 г. У некоторых имеются сомнения относительно достоверности документа.

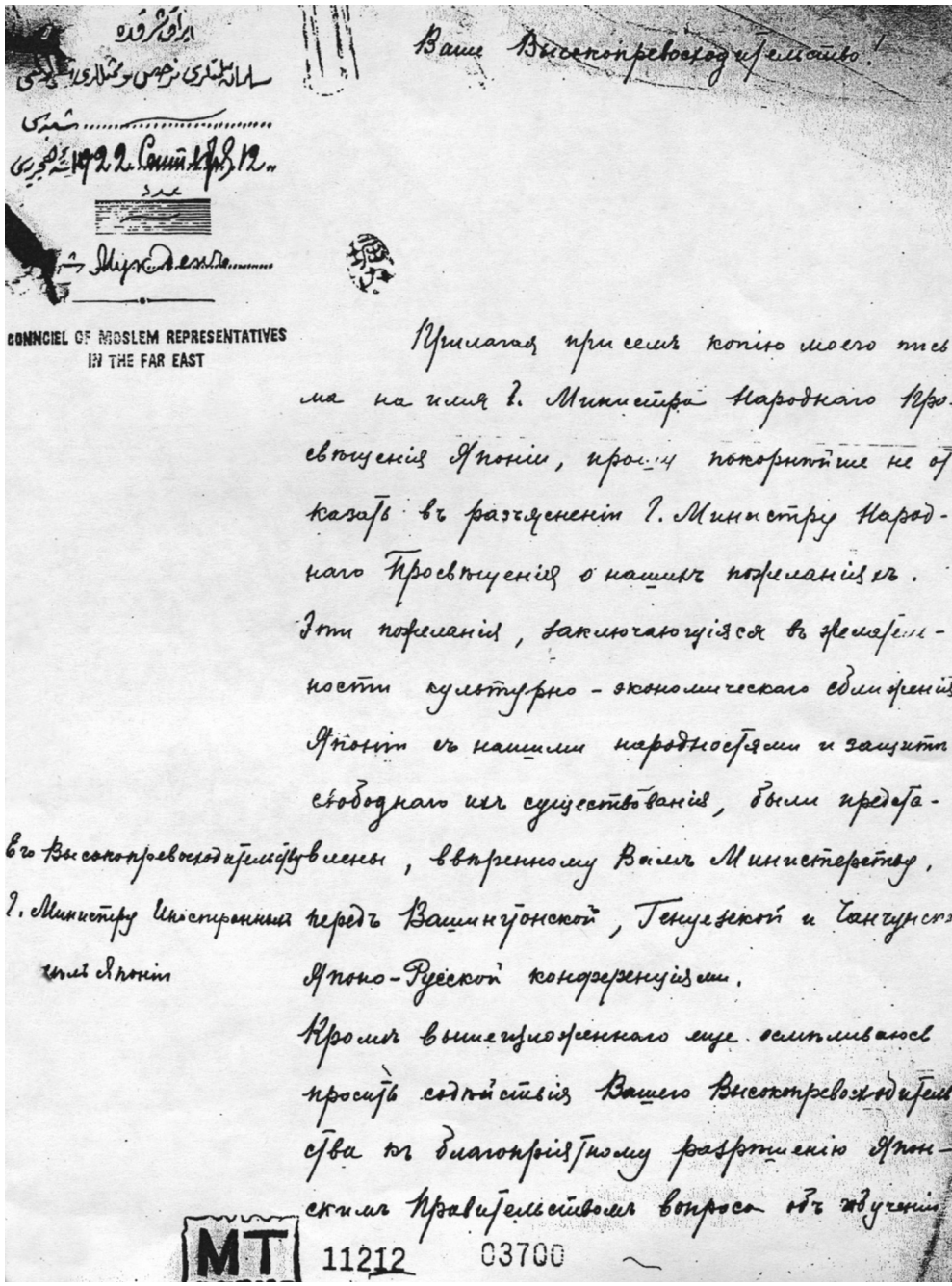
14. Утида Рёхэй (1874-1936), основатель националистического Общества Черного Дракона в 1901 г.

15. Инукаи Цулси (1855-1932), политический деятель. С 1890-х гг. активно занимался политикой. С 1929 г. — лидер партии Сэйюкай. С декабря 1931 г. по май 1932 г. — премьер-министр, убит группой «Молодых офицеров» фашистской партии в время мятежа 15 мая 1932 г.

16. Ватанабэ Масао (?-1945), военный деятель, генерал-лейтенант. В декабре 1941 г. назначен командиром 56-й дивизии в составе 25-й и 33-й армий, сражавшихся в Малайе и Бирме. 22 марта 1944 г. под командованием Ц. Инукаи сформирована 32-я армия, в задачи которой входила оборона островов Рюкю, Окинава, Сакисима, Мияко, Токуносима. В сентябре 1944 г. сменил генерала Р. Андо на посту командующего 10-м фронтом на Формозе. Покончил жизнь самоубийством.

17. С. Симано был составителем первого русско-японского словаря, выпущенного в 1928 г. агентством по изучению экономики Восточной Азии. В 1933 г. словарь был переработан и издан как «Русско-японский большой словарь». В предисловии к первому выпуску С. Симано упомянул М.-Г. Курбангалиева в числе тех, с кем консультировался по его составлению (см.: Shimano, S. Mantetsu sôren jôhô katsudô ka no shôgai. – Tokyo, 1984. – P. XV).

18. Кстати, С. Симано вспоминал, что во время обучения в Петрограде с интересом слушал лекции русского философа, правоведа, одного из идеологов российского евразийства Н. Н. Алексеева (1879-1964).

Ваше Высокопревосходительство!

CONNCIEL OF MOSLEM REPRESENTATIVES
IN THE FAR EAST

Прилагая при сем копію моего пись-
ма на имя г. Министра Народнаго Про-
свѣщенія Японіи, прошу покорнѣйше не от-
казать въ разъясненіи г. Министру Народ-
наго Просвѣщенія о нашихъ переманіяхъ.
Эти переманія, заключающіяся въ времен-
ности культурно-экономическаго сближенія
Японіи съ нашими народностями и защитѣ
свободнаго ихъ существованія, были предста-
вѣ Высокопревосходительствомъ, вверенному Вамъ Министерству,
г. Министру Иностранныхъ передъ Вашингтонской, Генуезской и Чанчунской
ными Японіи Японо-Русской конференціями.
Кромѣ вышеизложеннаго еще осмѣливаюсь
просить содѣйствія Вашего Высокопревосходитель-
ства въ благопріятному разрѣшенію Япон-
скимъ Правительствомъ вопроса объ изученіи

MT 11212 03700

Фрагмент письма М.-Г. Курбангалиева министру иностранных дел Японии.
Мукден, 12 сентября 1922 г. Библиотека парламента Японии.
Архив микрофильмов японских документов библиотеки Конгресса США,
MT. 11212, № 03700.

Его высокопревосходительству,
г. министру иностранных дел Японии.

12 сентября 1922 [г.]
Мукден

Ваше превосходительство!

Прилагая при сем копию моего письма на имя г. министра народного просвещения Японии, прошу покорнейше не отказать в разъяснении г. министру народного просвещения о наших пожеланиях. Эти пожелания, заключающиеся в желательности культурно-экономического сближения Японии с нашими народностями и защиты свободного их существования, были представлены вверенному Вам министерству перед Вашингтонской, Генуэзской и Чанчунской Японо-русской конференциями.

Кроме вышеизложенного еще осмеливаюсь просить содействия Вашего высокопревосходительства к благоприятному разрешению японским правительством вопросов об изучении тюркского языка в правительственных школах.

Главной же нашей задачей является осуществление культурно-экономического сближения тюркских народностей России с Японией.

В данный момент наши народности [в связи] с падением культурно-экономического благосостояния России ощущают острую потребность в установлении культурно-экономической поддержки, и поддержку эту они мыслят в лице Японии ввиду расового их тяготения к последней.

Представитель башкир М.-Г. Курбангалиев (подпись)*.

Его высокопревосходительству,
министру народного просвещения Японии.

12 сентября 1922 [г.]
Мукден

Ваше высокопревосходительство,

Принимая во внимание огромную важность культурно-экономического сближения туркских (тюркских) народностей с Японией как в целях поднятия культурно-экономического благосостояния всей Азии, так и в интересах установления мировой справедливости путем обеспечения расового равноправия, я предлагаю вниманию Вашего высокопревосходительства следующее письмо о нижеследующем.

В настоящее время тюркские народы занимают больше половины Азии, значительной части юго-восточной Европы и северо-восточной части Африки – начиная с Ледовитого океана (якуты) до Куень-Луня (полу, испагани, туркмены Персии) и от берегов Калымы и Желтой реки до Центральной России (татары касимовские и Македонии, османы) – и, кроме того, встречаются в значительном числе в разных частях Сибири.

Для сохранения своего свободного существования и экономического поднятия своей страны эти народы заинтересованы в искренне дружеском отношении к ним более могущественных народов великой урало-алтайской семьи и других народов Азии, цивилизованным авангардом которых в настоящее время могла бы быть Япония.

После мировой войны устанавливаются новые взаимоотношения народов, и мир, несомненно, стоит перед новым переустройством, на других началах.

Если тюркские народы, выступившие на арену истории более чем за 2 000 лет до Рождества Христова и показавшие миру пример культуры и цивилизации и могущество своей расы, в настоящее время путем национального движения вооруженной борьбы в Турции, образования семи автономных республик в России, как то: Туркестанская, Киргизская, Башкирская, Татарская, Азарбейджанская** и Крымская – стремятся взять свою судьбу в собственные руки, то, я полагаю, было бы актом справедливости оказание им хотя бы моральной поддержки «Страной восходящего солнца».

Экономический кризис Европы, упадок ее духа и единодушия способствуют облегчению самоопределения тюркских народов на совершенно новых и демократических началах, также положительным основанием к этому движению является крепкий союз

* Текст письма написан чернилами от руки, далее письмо министру народного просвещения и приложение отпечатаны на машинке.

** Так в документе.

туркских (тюркских) народностей с другими магометанскими народностями мира, насчитывающими в своих рядах магометан в числе 200 миллионов.

Установление же дружеских взаимоотношений с другими азиатскими народами послужило бы исправлением той исторической ошибки, которая привела азиатов к внутренней борьбе между собою, способствовала падению когда-то великой и могущественной Азии и наконец довела до настоящего положения.

Началом культурно-экономического сближения может служить только взаимное изучение друг друга, но для этого первым и непременным условием должно быть знание тюркского языка. Поэтому в виде пробного шага по означенному стремлению тюркских народов в целях образования крепкой связи между магометанскими народами и Японией и закрепления расового тяготения друг к другу, прошу Вас, Ваше высокопревосходительство, не отказать поднять вопрос об изучении тюркского языка в правительственных школах.

Со своей стороны я мыслил бы разрешить этот вопрос так. В первую очередь, открытием тюркского отделения при Институте иностранных языков в Токио, который оказал немало услуг Японии в подготовке ориенталистов. Если вопрос этот разрешится в благоприятном смысле, то я мог бы всемерно содействовать этому начинанию как по привлечению достойных преподавателей, так и в подборе надлежащих учебников.

Так как в тюркской письменности приняты арабские буквы (арабскими буквами пишет весь магометанский мир), то изучение этой письменности японцами облегчило бы в дальнейшем и изучение арабского и персидского языков.

При сем прилагаю две справки: одну о тюркских наречиях, а другую об изучении русскими тюркского языка.

Представитель башкир М.-Г. Курбангалиев (подпись).

Турецкие, тюркские наречия.

На турецком наречии говорят в настоящее время многочисленные племена и народы, начиная от якутов и кончая населяющими европейскую Турцию османами, к ним относятся:

Якуты, южно-сибирские турки, алтайцы и телеиты.

Турки по Верхней Оби – кумандинцы, качинцы, лебединцы, шорцы, черневые татары и другие.

Турки по Верхнему Енисею – кызыли, качинцы, сагайцы, карагаси и другие.

Урянхайцы или туба, живущие в западной Монголии.

Татары западно-сибирские – барабинцы.

Киргизы (в настоящее время имеющие свою республику).

Башкиры (тоже имеющие свою республику).

Татары казанские и вообще […]* ним поволжские татары, имеющие свою республику.

Сарты и туркмены обитатели […]** республики.

Узбеки – обитатели ханств Хивинскаго и Бухарскаго.

Турки, живущие в китайском Туркестане (санжан).

Турки – обитатели Азарбейджанской и Дагестанской республик на Кавказе.

Турки по юго-восточной России – касимовские и астраханские татары, и ногайцы и, наконец, турки-османы.

Туркская ветвь урало-алтайских языков находится в наиболее тесном родстве с монгольской.

У турок есть общепринятый язык литературный […]*** издаются книги, газеты, журналы и также на нем ведется частны […]**** переписка между этими народами, что же касается турок, османов, бухарцев и хивинцев, то у них правительственная переписка ведется на родном языке, а у остальных туркских народностей, покоренных Россией, правительственная переписка велась на русском языке, который в настоящее время заменяется туркским языком. Замена эта вызвана самой жизнью ввиду незнания большинством турков русского языка, например, в Туркестане и Киргизии 90 % населения совершенно не знают русского языка.

Печатное дело у турок России, не говоря уже об османах, существует издавна, так, например, 4-я типография с арабско-турецким шрифтом открылась в городе Казани (столица Татарской республики) с 1800 года.

---

* Далее часть текста повреждена.
** Далее часть текста повреждена.
*** Далее часть текста повреждена.
**** Далее часть текста повреждена.

Изучение туркского языка русскими*.

Русские с давних времен изучали восточные языки. Еще Петр I-й отправил в Персию 5 учеников московских латинских школ для изучения восточных языков.

Восточные языки, как то: турецкий, персидский, арабский, монгольский, китайский и армянский – преподавались в разных училищах и гимназиях в городах, расположенных ближе к восточным народам. Затем при Казанском университете была введена с [1807]** года кафедра восточных языков. Затем существовали до революции в 1917 году следующие факультеты:

Факультет восточных языков при Петербургском университете, который по положению 1854 г. состоял из 9-ти кафедр для языков: 1 – арабского, 2 – персидского, 3 – турецко-татарского, 4 – монгольского, 5 – китайского, 6 – еврейского, 7 – армянского, 8 – грузинского, 9 – маньчжурского. Затем было введено преподавание языков халдейского, сирийского и зендского и необязательный курс языка японского.

Преподавателями были самые известные русские ориенталисты и пять лекторов – уроженцев Азии.

Лазаревский институт восточных языков в Москве, основанный еще в 1815 г., в котором языки арабский, персидский и турецко-татарский преподавались как обязательные, причем еще для посторонних слушателей без различия звания и образовательного ценза были учреждены вечерние курсы восточных языков.

Кроме того, при Казанской духовной академии в интересах миссионеров преподавались татарский и монгольский языки, а также с целью образования кадра драгоманов для русских миссий и консулов на Востоке было учреждено […]*** отделение восточных языков при азиатском департаменте министерства иностранных дел.

Русская литература о туркских языках.

По диалектологии:

О. В. Ястремский. Грамматика якутского языка 1900 г., Грамматика алтайского языка 1869 года.

Мелиоранский. Краткая грамматика казак-киргизского языка.

А. Воскресенский. Грамматика казанско-татарского наречия.

В. И. Наливкин. Руководство к практическому изучению сартского языка.

Г. Макаров. Татарская грамматика кавказского наречия.

Л. Богданов. Практическое руководство турецко-татарского и азарбейджанского наречий.

Шемкевич. Краткое практическое руководство для ознакомления с наречием туркмен Закаспийской области.

Максимов. Опыт исследования тюркских диалектов.

По лексикографии:

Л. Богданов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий.

В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий.

И. И. Ильминский, В. В. Катаринский. Киргизско-русский словарь.

В. В. Катаринский. Башкирско-русский словарь.

И. И. Остроумов. Татарско-русский словарь.

В. и И. Наливкины. Русско-сартский и сартско-русский словарь.

Лапин. Русско-узбекский словарь.

Затем много книг о туркской литературе.

Библиотека парламента Японии.
Архив микрофильмов японских документов библиотеки Конгресса США,
МТ. 11212, № 03700-03695.

Публикацию подготовила
Лариса Усманова,
соискатель докторской степени
Института Северо-Восточной Азии университета Шимани (Япония)

* Здесь и далее выделение чертой соответствует выделению в документе.
** Дата написана неразборчиво.
*** Далее часть текста повреждена.